

Сознание возвращалось медленно, имплантаты Линьи ввели её в состояние близкое к искусственной коме на время проведения полной диагностики нейроматрицы. Убедившись, что повреждение черепа не ослабило когнитивные функции, они стимулировали активные мозговые процессы, эффективно восстанавливая сознание, пока внутривенные сосуды впрыскивали в тело стимуляторы.

Линья резко открыла глаза и сделала большой глоток горячего и насыщенного электричеством воздуха. Отсек заполнял едкий дым разбитых планшетов, священное оборудование охватило пламя, превратив механизмы в кучу капающего пластека и расплавленной меди. Судя по уцелевшему гироскопу, титан накренился на пятьдесят семь градусов.

Стояла невыносимая жара, тело стало мокрым от пота.

Голова болела, левый висок и щеку покрывала кровь. Линья сморгнула слёзы и услышала, что её кто-то зовёт. Она повернулась в запутанных ремнях безопасности, пытаясь освободить руки, и поняла, что оказалась в ловушке. Внутренняя аугметика фиксировала опасно высокие температуры, которые продолжали расти.

Смутно она вспомнила яростное землетрясение и здания, которые рушились, словно пепельные скульптуры во время ливня, оглушительный шум...

- Мы упали, - прошептала она. - Аве Деус Механикус, мы упали...

Линья начала бороться, растягивая и пытаясь разорвать ремни, но затем заставила себя успокоиться. Она вдохнула горячий воздух, чувствуя, как жжёт горло. Она услышала, как её снова кто-то позвал по имени, и в этот раз узнала отзывавшийся эхом в черепе голос отца.

+ Линья! Линья, ты слышишь!? +

- Слышу, - ответила она, прежде чем поняла, что связь осуществлялась через манифольд. Что-то заскрипело и затрещало, отсек неожиданно покачнулся и угол увеличился до шестидесяти трёх градусов.

+ Линья! +

+ Я слышу, + сказала она. + Я в порядке. Что случилось? Мы упали? +

+ Упали, + подтвердил отец. + Но тебе нужно выбираться. Немедленно. Нога тонет. Прямо сейчас твой отсек погружается в трещину и окружён раскалённой магмой. +

+ Магмой? +

+ Да, технически мы под землёй, поэтому я называю это магмой, а не лавой, но это не важно. Ты можешь двигаться? Ты можешь подняться по бедренной лестнице? +

Линья посмотрела вверх и увидела, что металл вокруг узкого люка над головой мерцал в мареве. Она кивнула и потянулась разомкнуть замок ремня безопасности. Металл оказался горячим на ощупь и жёг кожу, пока она расстёгивала, но она заставила себя проигнорировать боль и отключить все нейронные связи. Там где обычному сервитору экипажа требовалось множество подключений, она благодаря усовершенствованному телу сумела обойтись только самым минимумом.

+ Я освободилась от ремней и проводов, + сказала она.

+ Линья, пожалуйста, поспеши. Титан недолго продержится вертикально. +

Словно подтверждая слова отца, отсек медленно залило горячим металлическим свечением оранжевого света. Линья посмотрела вниз и увидела, что пол замерцал в тумане и начал таять в свирепом жаре. Подол её мантии задымился, и не займёт много времени, прежде чем одежда загорится. Мысль о том, чтобы зажариться заживо в этом тесном и напоминавшем саркофаг пространстве придавала ей скорости, и она быстро отстегнула последние ремни и отключила последние соединения.

Линья выпуталась из ремней безопасности и схватилась за металлические ступени на стенах отсека.

Она закричала, когда кожу на ладонях сожгло, и упала назад в кресло.

Сдерживая слёзы боли, Линья обернула тканью мантии обгоревшую руку и попробовала снова. Она стиснула зубы и начала карабкаться, протискивая тело вверх и ощутив прилив внезапной и почти подавляющей клаустрофобии.

Люк оказался заперт на кодовый замок, и в одну ужасную секунду Линья поняла, что понятия не имеет на какой. Как только эта мысль пришла, Линья едва не задохнулась, потому что правильные цифры ворвались в разум с такой силой, словно их вбили в кору головного мозга черепным шунтом.

+ Спасибо, отец, + сказала она. + Но ты мог просто сказать код. +

+ Не благодари меня. Это был “Амарок”. +

Проигнорировав боль от загрузки, она набрала код, и замок открылся с глухой серией далёких лязгов.

- Спасибо, великий, - произнесла она, прижав обёрнутую тканью руку к символу Механикус,

отштампованному на металле люка. Линья нажала сильнее и отодвинула его в сторону, влезая в пространство, где даже худому подростку было бы тесно. Дальнейший путь по ноге “Пса войны” в кабину пилота пролегал в окружении различных стоек и комплексных гнёзд гироскопических механизмов, силовых реле и отражающих фильтров, но ей не нужно было подниматься так высоко.

Румяный дневной свет проникал сквозь аварийный люк чуть ниже механизмов и шестерёнок подвески тазового сустава титана. В воздухе сильно пахло горелым оборудованием, запёкшейся смазкой и дымившим маслом. Линья протиснулась в трубу, крутя плечами и заставляя тело под немыслимыми углами огибать всевозможные выступающие механизмы и торчащие подпорки.

Температура внизу резко выросла и она поняла, что магма из расселины расплавил пол отсека, который она только что покинула. Нога титана погрузилась ещё глубже, “Амарок” осел и Линью затопил отчаянный страх, когда она почувствовала, как вспыхнул подол мантии. Плечи оказались слишком широкими, чтобы протиснуться дальше.

+ Линья! + воскликнул Виталий.

– Я не могу выбраться! – закричала она, не глядя, потянувшись к мучительно близкому прямоугольнику дневного света над головой. Ступни загорелись, мясо прожгло до костей, и оно слезало с ног, словно расплавленный воск. Черепные имплантаты отреагировали на боль и приложили все усилия, блокируя самые страшные муки, и всё ещё позволяя ей двигаться и сохранять рассудок, но животный ужас невыносимой подавляющей мощи оказался настолько чудовищным, что с ним не могло справиться ничто созданное Механикус.

– Я не могу выбраться! – воскликнула Линья, прежде чем жар выжег слова из лёгких.

Архимагос Котов слушал слова из Пищеблока-86, эхом разносившиеся по всей “Сперанце”, но не мог верить в их реальность. Крепостные не выступали против своих законных господ, они принимали свою роль в машине и считали честью стать частью столь взаимосвязанной и взаимозависимой иерархии. Так было раньше, так будет и впредь.

– ...Мы заставим машину остановиться! – прокричал голос, который идентифицировали, как принадлежащий крепостному Авреему Локку. – И вместе мы покажем архимагосу Котову, что без нас его великая машина не будет работать вообще!

Как сильно его не возмутило данное заявление, оно оказалось ничем в сравнение с наступившим ужасом, когда сервиторы мостика одновременно выпрямились, и в полной синхронности отключились от дежурных постов. Те, которые могли стоять, встали со своих нераздельных сидений и повернулись к командному трону, и хотя ему, конечно же, это только показалось, Котов почувствовал тепло их обвиняющих взглядов.

– Аве Деус Механикус, – произнёс он, шагая вперёд и поворачиваясь, чтобы увидеть этот взгляд у каждого сервитора.

В ноосферной сети всплыли сигналы тревоги и предупреждающие символы, когда ранее обслуживаемые системы начали давать сбой или полностью отключаться. Системы управления кузней, стабилизации двигателя, жизнеобеспечения, протоколы активной зоны реактора... всё отключалось или уже перестало работать. Только самые базовые автономные функции ещё оставались активными, но даже они скоро выйдут из строя без внешнего вмешательства.

По всей “Сперанце” техножрецы и лексмеханики бросились к оставленным постам в отчаянной попытке восстановить управление, но сколь ни многочисленными они были, само количество работ, осуществляемых кибернетикой, перевешивало любую надежду вернуть контроль со стороны марсианских жрецов.

– Что, во имя Омниссии, он сделал? – спросил Котов.

Магос Блейлок подключился к десятку систем, используя все доступные ему способы связи. Окружавшие его искусственно выращенные низкорослые существа стояли необычно спокойно, словно решили больше не помогать своему господину.

– Заявление: неизвестно, – ответил Блейлок. – Все до единого сервиторы на борту прекратили выполнять предписанные задачи. Они или отключили свои активные системные связи или отсоединились... по собственной воле.

Последние слова магос выдохнул, словно шёпот, как будто произнесённые вслух они обретали реальность. Котов посмотрел на Блейлока, который впервые после назначения фабрикатус-локум выглядел совершенно беспомощным.

– Как он сделал это? – спросил Котов, спустился на палубу и жестами притянул к себе ноосферные полосы света. Он видел истинность слов Блейлока. По всей “Сперанце” послушный ранее экипаж сервиторов прекратил функционировать и стоял столь же неподвижно, как статуи из плоти во вместительных кибернизирующих храмах на Марсе перед внедрением закодированных подпрограмм.

Криптаэстрекс превратился в пылающий маяк сердитого ноосферного кода, когда его тщательно выверенные планы пополнения припасов оказались безнадежно сорваны и загрузочные доки перестали работать. Напротив магистра логистики Азурамаджелли изо всех сил пытался перенаправить все пакеты данных авионики, которые раньше обрабатывали группы навигационных сервиторов, на свой пост. Объём вычислительных операций, делегированных кибернетике, казался невероятным, и Котов поморщился от информационной нагрузки, которая потрескивала между мозговыми колбами Азурамаджелли.

– Нужно восстановить контроль, – произнёс Котов, вытянув механодендрит и подключаясь к сети управления, которая отвечала за бесперебойную работу сервиторов корабля. – Немедленно. Отправьте восстановительный код активации каждому сервитору на борту корабля.

Едва он произнёс эти слова, как механодендрит пронзила обратная связь. Котов вытащил

извивавшуюся конечность из порта подключения в сопровождении пены агрессивного кода и золотых искр.

- Сети сервиторов отключаются, - сказал Блейлок. - Они запираются за стенами бинарного белого шума. Даже если мы сможем установить связь - они нас не услышат.

- Мы должны вернуть их, - резко ответил Котов. - Меня не отключит от собственного корабля какой-то жалкий крепостной. Крепостной, которого вы так и не смогли вытащить из его жалкой норы. Это - ваша ошибка, Таркис. Вы давно должны были его найти и казнить.

- Опровержение: этот крепостной едва ли не исчез со "Сперанцы", - возразил Блейлок. - Сколько бы мы не задействовали армсменов или биосигнатурных сканеров, нам так и не удалось обнаружить ни следа его присутствия. Я убеждён, что ему помогал кто-то из Механикус.

Котов заставил себя повысить уровень спокойствия в инфотоке, зная, что их взаимные обвинения просто бессмысленны. Обвинения могут подождать, пока не восстановят контроль.

- Как близко наши вооружённые силы к пищеблоку? - спросил он. - Я хочу увидеть Авреема Локка мёртвым.

- Каданцы и арсмены будут там через четыре минуты, - ответил Криптаэстрекс. - Но этот крепостной нужен нам живым. Что если он единственный, кто может вернуть сервиторов к работе?

- Это не он, - возразил Азурамаджелли. - Это чёртов сервитор, вернувший память.

- Невозможно, - огрызнулся Криптаэстрекс. - Это - всего лишь слухи, нелепые сплетни, распространившиеся среди низших слуг. Я слышал такие сотни раз.

- Тогда объясните это, - сказал Азурамаджелли.

Котов прервал их обоих резким потоком бинарного кода:

- Сервитор, вернувший память? - спросил он.

- Такие слухи ходят на нижних палубах, - ответил Азурамаджелли.

- Расскажите мне всё что слышали, - приказал Котов. - Пока я ещё не полностью потерял контроль над своим кораблём.

Инжиниариум-темплум “Сперанцы” представлял собой воистину чудесное место, где мощь Омниссии являлась самой контролируемой и самой яростной. Забудьте взрыв боеприпасов, забудьте убийственную силу пожирателя жизни. Именно в плазменных камерах грубая первобытная сущность Бога Машины и гений Механикус сливались в самом величественном союзе.

Или так думал магос Сайиксек три минуты четырнадцать секунд назад.

Теперь он понимал, что стоит в месте, которое, вероятно, станет эпицентром колоссального взрыва перегретой плазмы, и взрыв этот превратит огромную структуру “Сперанцы” в пар. Звон тревожных колоколов под потолком заглушал бинарные успокаивающие молитвы, пока аварийные системы извергали в воздух столбы перегретого пара. Влажные облака химически насыщенных паров собирались вокруг реакторов, словно туман джунглей, преломляя мерцавшее освещение аварийных ламп в золотые радуги.

Каждый цилиндрический реактор был пятьсот метров в диаметре и два километра в длину – почти восемьдесят пять процентов их массы составляли слои теплозащитного керамика и генераторы полей. Даже одного реактора хватило бы для обеспечения энергетических потребностей среднего улья на несколько веков, а Сайиксек смотрел на двенадцать таких реакторов, простиравшихся до дальнего конца зала.

Целая армия сервиторов контролировала невообразимые температуры ядра, распевая молитвы или заботясь о сотнях духов-машин, обитавших в питающих реакторы механизмах. Каждым реактором занимались пятьсот сервиторов, безостановочно произнося катехизисы обслуживания и выполняя непрерывные ритуальные работы, и три минуты двадцать пять секунд назад они исполняли свои обязанности в идеальном порядке.

Теперь те же самые сервиторы просто стояли и смотрели на реакторы, которые неумолимо и неизбежно двигались по спирали разрушения. Все разблокирующие коды, все командные файлы и все сервитуда облигатес были отклонены, как если бы высокофункциональная инфомашина игнорировала робкие попытки смиренного техномата. Энергия больше не поступала в двигатели и орбитальная траектория “Сперанцы” уже пролежала гораздо ниже, чем было благоразумно, и разрушалась такими темпами, что скоро поле гравитации планеты поймает корабль без всяких шансов на спасение у последнего.

Если только раньше Сайиксек не потеряет контроль над реакторами.

Стоя на решётчатом полуэтаже и наблюдая за рядами выходивших из-под контроля термоядерных реакторов, магос Сайиксек теперь понял, сколь опасно слабым на самом деле была его власть над ними. А ведь совсем недавно он стоял на этом самом месте, отдавал приказы этим единым машинам и считал себя их господином.

Но то, что он принимал за господство, оказалось немногим больше, чем иллюзией.

Сайиксек обладал множеством самых разных механодендритов: от напоминавших мерцающих

змей толстых сегментированных кабелей до тонких как нить сенсорных палочек. И все они были подключены к постам управления по обеим сторонам от него. Магистра двигателей окутывал морозный туман, выбросы механизма охлаждения рюкзака покрывали всё вокруг слоем инея. Его чёрные одежды потрескались от низких температур, зато металлический череп окружал пар от избыточного тепла, вызванного чудовищно разогнанными когнитивными процессами.

Как дирижёр невероятно огромного и сложного оркестра Сайиксек использовал вычислительные способности каждого магоса в пределах досягаемости для обработки безумно сложной гексаматики неконтролируемой термоядерной реакции в попытке помешать ей достигнуть критической массы.

Это была невыполнимая задача, и лучшим его достижением являлось то, что реакторы ещё не взорвались. Геометрическая прогрессия сложности вычислений скоро опередит позаимствованные им вычислительные возможности, и все сдерживающие усилия в лучшем случае обернутся выжиганием больших участков незаменимого мозгового вещества.

Но если тактика сдерживания выиграет время для архимагоса и поможет восстановить контроль над сервиторами “Сперанцы”, то эту цену стоит заплатить.

Сайиксек задохнулся, почувствовав внезапный холодный укол в своём физическом теле.

Он так сильно отключился от своей органической формы, что ему потребовалось несколько секунд для понимания, что его ранили. Сайиксек посмотрел вниз и увидел выступающую из тела длинную белую сталь, изящно изогнутое лезвие меча не имперского дизайна.

- Как любопытно, - произнёс он, когда клинок вытащили и вонзили ещё три раза.

На этот раз Сайиксек почувствовал боль и упал на колени. Кровь и масло полились из идеальных разрезов в теле, хлынув из внутренних структур в таком количестве, что ему не нужно было смотреть, чтобы понять, что он смертельно ранен.

Он посмотрел вверх, когда из-за его спины появилась женщина, облачённая в облегающие изумрудные пластины. На ней был шлем цвета кости с длинным красным плюмажем и выпуклыми образованиями на горжете, чем-то напоминавшими жала. Её золотисто-зелёный плащ развевался в вихрях горячего и холодного воздуха, а с меча цвета слоновой кости на пол полуэтажа капали подёрнутые чёрным маслом капли его крови.

- Эльдары? - спросил Сайиксек. - Смешно. Вы не можете быть здесь.

- Вы уничтожили наш корабль, - произнесла женщина-воин. - Теперь мы уничтожим ваш.

- Нелогично, - сказал Сайиксек. - Вы тоже умрёте.

- Чтобы помешать твоему господину получить такую власть мы готовы умереть тысячу раз.
- Возмутительная гипербола, – ответил Сайиксек, резко опустившись на пульт управления, когда жизнь покинула его.
- Что вы имеете в виду, когда говорите, что не можете подлететь ближе?! – воскликнул Виталий, отчаяние в его голосе не мог скрыть даже внутренний вокс грузовой палубы.
- Я не могу сказать яснее, – ответил Робаут. – Мы висим на электромагнитной привязи и “Сперанца” не притягивает нас. Также я не могу ни с кем связаться на посадочной палубе.
- Пожалуйста, мы должны вернуться на борт! Линья умрёт, если мы не поместим её в лазарет.
- Я знаю, чтоб вас, – огрызнулся Робаут, мгновенно пожалев о вспышке эмоций. – Но если мы не сбросим привязь, то не сдвинемся ни на метр. Попытки связаться с инфомашинами посадочной палубы ни к чему не привели. Мы не находимся в графике поставок Азурамаджелли и Криптаэстрекса, и нет никакого ответа от тех, кто может это изменить.
- “Сперанца” на строгой изоляции... – сказал Виталий. – Видимо произошло что-то ужасное, несчастный случай или непредвиденное событие.
- Получается, мы застряли здесь?
- Пока они сами не притянут нас, да, – ответил Виталий, и Робаут услышал страх отца потерять своего ребёнка.

Он разделял этот страх. Шаттл “Ренарда” застрял в режиме ожидания у кормы ниже подфезюляжа “Сперанцы”, сохраняя фиксированное расстояние от ковчега Механикус благодаря той же самой электромагнитной привязи, которая обычно проводила их сквозь гравиметрическую турбулентность, окружавшую огромный корабль. Их вылет с планеты был незапланированным и несомненно повлечёт строгое предупреждение от магоса Азурамаджелли, но ситуация была чрезвычайной и Робаут был готов рискнуть пойти на любое наказание, чтобы максимально быстро доставить Линью в лазарет.

Слёзы потекли по лицу Робаута при мысли о смерти Линьи Тихон.

Он понимал, что нет никаких шансов на союз между ними, и смирился с этим. Вместо этого он ожидал дружбы, но даже это выглядело маловероятным.

Сигнал бедствия “Амарока” стал воющим рёвом муки, воплем невообразимой боли, который мог принадлежать только богу-машине. Следом за порывистым криком о помощи пришла мольба Виталия Тихона прилететь и спасти их. Сигнал резко оборвался и, увидев, что спасательный корабль легио Сириус достигнет поверхности не раньше чем через час, Робаут

немедленно вылетел.

Шаттл “Ренарда” приземлился посреди опустошённого разрушенного города, но бесчисленные вопросы Робаута про неожиданно обнаруженную метрополию застряли в горле, едва он увидел ужасные раны, полученные Линьей.

Только Виталий Тихон выбрался из останков “Амарока” без значительных ран. Кроме принцепса Винтраса весь экипаж “Пса войны” погиб, и покалеченная военная машина опускалась в герметичную расселину, где уже целиком скрылась одна нога. Хотя он и остался в живых, раны не обошли его: обратная связь в манифольде превратила принцепса в хныкающего паралитика, нервная система была разрушена синаптическими страданиями умирающего титана.

Но его раны оказались ничем в сравнении с муками Линьи Тихон.

Робаут едва узнал молодую оживлённую девушку, которую он встретил на ужине у полковника Андерса, её плоть обуглилась, виднелось открытое мясо, и только верхняя половина тела избежала худшего из адского пекла. Отец едва поддерживал в ней жизнь, Виталий при помощи ноосферного соединения с её нейроматрицей блокировал центры боли в мозге, но он не был врачом и не мог ничего сделать для излечения телесных повреждений, которые, несомненно, убьют её. Они принесли её на борт шаттла настолько аккуратно насколько смогли и направились прямым курсом к “Сперанце”. Сервиторы шаттла оказали самую лучшую медицинскую помощь, на которую были способны, учитывая их ограниченные познания человеческой физиологии, но без специализированного медицинского лечения Линья скоро умрёт.

А теперь ещё и это...

Робаут перепробовал всё, пытаясь разорвать привязь “Сперанцы”, все до единого приёмы уклонения и откровенно опасные манёвры, которые он выучил в небесах Ультрамара, но ни на йоту не ослабил захват. Они попались в ловушку, как рыба на крючок, неспособные приблизиться или оторваться от ковчега Механикус.

Световой индикатор замерцал на приборной панели Робаута, и он проверил показания, чтобы удостовериться, что понял всё правильно, но надеялся, что ошибся.

– Чёрт... – выдохнул он и встал, наблюдая сквозь бронестекло кабины шаттла. – О, это совсем нехорошо...

Но никакой ошибки не было. Мерцающее раскалённое плазменное свечение силовых полей “Сперанцы” исчезало, что означало, что двигатели перестали давать тягу.

Что в свою очередь означало, что орбита корабля начала разрушаться.

Ковчег Механикус снижался.

Собрание происходило в переднем обсерваториуме над системами движения верхних палуб, центральное местоположение которого предоставляло вооружённым силам наилучшие варианты развёртывания по всему кораблю. В прямой досягаемости из этого места находились транзитные поезда маглева, как и главная внутренняя система телепортации, которую активировали распевавшие мантры техножрецы. Им помогали заменившие сервиторов вышколенные палубные слуги, декларируя ритуальные катехизисы.

Проходивший сквозь верхние слои атмосферы Гипатии звёздный свет освещал мозаичный пол цветом умбры и пурпура, и отражался во множестве звездочётных оптических машин, свисавших с полированного стеклянного купола или стоявших на огромных фермах.

Командующие вооружёнными силами “Сперанцы” собрались выслушать инструктаж архимагоса Котова, каждый быстро изучил информацию из спешно подготовленного досье на главарей мятежа. Магос Дахан и сержант Танна ждали, когда начнёт Котов, пока полковник Андерс продолжал просматривать документы брифинга.

– Начался полномасштабный мятеж, – сказал Котов воинам, желая разжечь в них такой же праведный гнев на события на нижних палубах, какой испытывал сам. – Крепостной по имени Авреем Локк бросил вызов законному и священному праву Механикус и разжигает восстание по всей “Сперанце”. Я хочу, чтобы его и его ключевых сторонников выследили и убили.

– О каком количестве целей вы говорите? – спросил Танна.

На вопрос космического десантника ответил магос Блейлок. – Мы знаем о шести. Сам крепостной Локк и ещё трое, завербованных вместе с ним на Джоуре: Ванн Койн, Юлий Хоук и Исмаил де Рёвен.

– Де Рёвен? Тот сервитор, вернувший память? – спросил Андерс.

– Если верить слухам, которые ходят ниже ватерлинии, – сказал Блейлок. – Но подобные случаи ранее никогда не регистрировались, поэтому к слухам стоит относиться с подозрением. К тому же крепостного Локка сопровождают мятежный надсмотрщик Механикус Тота Мю-32 и активировавшийся аркофлагеллант Расселас Х-42. Обоих следует считать чрезвычайно опасными.

– Аркофлагеллант? – спросил Андерс, резко выдохнув. – Я думал, что они являются оружием исключительно Инквизиции.

– Являются, – произнёс Дахан, сгибая сочленённые суставы рук. – Но, кто, по-вашему, делает их для инквизиторов?

- Откуда он взялся? – продолжал полковник.

- Это имеет значение? – ответил вопросом на вопрос Танна. – Чтобы убить его, нам не нужно знать, откуда он взялся.

- Не нужно, но раз я собираюсь рисковать своими людьми, то я хочу знать об это аркофлагелланте всё. Я видел одного из них в действии на Агрипинае. Существо прошло сквозь мученическую роту Бар-Эльских штрафников, которые перешли на сторону врага. Не самое приятное зрелище. И если этот крепостной заполучил себе одного из них, то будь я проклят, если не узнаю о нём всё.

- У нас нет на это времени, полковник Андерс, – сказал Котов. – Если сервиторы не вернутся на посты в течение ближайших двух часов и одиннадцати минут, то орбита “Сперанцы” опустится до уровня, который неизбежно приведёт к катастрофическому падению в атмосферу.

- Тогда ответьте на мой вопрос как можно быстрее.

- Хорошо, – согласился Котов. – Когда я нашёл “Сперанцу”, она не была закончена и представляла собой закопанный скелет космического корабля, который почти достроили, но всё же не до конца. Многие помещения на нижних уровнях и отсеки остались неисследованными или были недоступны. Вероятно, этого аркофлагелланта вооружили и оснастили программами успокаивающих процедур, но оставили “чистым листом”, пока он не активировался бы на выбранном инквизиторе.

- Получается он сидел там, как чёртова бомба с часовым механизмом, просто ожидая, пока кто-нибудь не наткнётся на него и не выпустит?

Котову не понравился тон полковника, но он понимал, что времени для обид не осталось:

- По сути, да.

Андерс кивнул:

- Очень беспечно с вашей стороны. Всё равно, если бы я забыл, где припарковал роту “Гибельных клинков”, а потом удивлялся, что их направили против меня.

- Какой информацией вы располагаете о текущем местонахождении крепостного Локка? – спросил Танна, перебив собравшегося раздражённо ответить Котова. – Сообщите мне, где он, и мои воины воспользуются внутренними телепортами для быстрого и беспощадного ответа.

- По причинам, которые я не могу объяснить, в настоящее время мы не способны отследить крепостного Локка и его ближайших сообщников по подкожным вассальным чипам, – произнёс Блейлок. – Вероятно, их удалил или вывел из строя Тота Мю-32. Что объясняет, почему

регулярным поисковым группам армсменов и кибермастиффов не удалось найти их после первого проявления мятежного поведения.

- Дела становятся всё лучше и лучше, – сказал Андерс.

- Мятеж начался в пищеблоке-86, – продолжил Котов. – Похоже, он уже быстро перекинулся на соседние палубы. В настоящее время каждый сервитор на борту “Сперанцы” находится в состоянии принудительно бездействия, из которого они отказываются выходить, но на борту корабля остаются десятки тысяч крепостных. И все они слышали сообщение Локка.

- Получается, нам может противостоять армия мятежников размером с экипаж целого корабля? – уточнил Танна.

- Вы все, – сказал Андерс, покачав головой. – Вы все по-прежнему называете происходящее мятежом, но это не так. Меня удивляет, что вы не видите этого.

- Если это не мятеж, то, что же, по-вашему, полковник? – резко спросил магос Дахан.

- Это – забастовка, – ответил кадианский полковник. – Мятежники хотят захватить корабль, но эти люди не делают ничего подобного. Я слышал, что сказал крепостной Локк, и сомневаюсь, что ему нужен собственный космический корабль.

- Тогда чего он хочет? – спросил Котов.

- Вы слышали, чего он хочет, – сказал Андерс. – Он хочет, чтобы к людям на корабле относились по-человечески. Не поймите меня неправильно, эти крепостные – законные слуги Механикус, и они обязаны выполнять свою работу, как и любой пехотинец моего полка. Но каждый кадианский офицер знает то, что забыли Механикус – для того чтобы человек работал на все сто нужно не пороть его кнутом до смерти, а пороть так, чтобы он был благодарен даже за намёк на существование пряника.

- Неслыханным, – произнёс Котов, шокированный самой идеей вступить в переговоры со слугами-крепостными. – Они – наёмные рабочие, следующие целям Механикус и воли Омниссии. Пойти на обсуждение их требований – означает порвать с тысячелетиями традиций и создать прецедент. На это невозможно пойти. Я отказываюсь рассматривать столь отвратительную возможность!

- Не думаю, что у вас есть выбор, – ответил Андерс. – Если вы не предложите этим людям что-то, что заставит Авреема Локка вернуть сервиторов к работе, то через два часа корабль упадёт.

- Вы считаете, что я должен встретиться с этими... забастовщиками и выслушать их так называемые жалобы?

Андерс покачал головой и сказал. – Нет, архимагос, думаю, для этих переговоров нужно человеческое лицо.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658694>